

**«ПО ОБЫЧАЮ ГРЕЧЕСКОЙ ЗЕМЛИ»:
ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ В ВИЗАНТИИ
В ОПИСАНИИ ЖИЛЬБЕРА ДЕ ЛАННУА**

Татьяна Викторовна Куш

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена изучению особенностей дипломатических приемов в поздней Византии. Автор статьи анализирует сообщение бургундского путешественника и дипломата Жильбера де Ланнуа, который подробно описал дипломатические приемы при различных европейских дворах. *Метод.* В работе использованы методы имагологии и исторической антропологии, которые позволяют выявить устойчивые и эмоционально-окрашенные представления иностранца о чужой культуре. С помощью компаративного подхода проведено сравнение поздневизантийской церемонии приема послов с приемами у других христианских правителей и более ранней византийской дипломатической традицией. *Анализ.* Де Ланнуа как представитель английского короля Генриха V, французского короля Карла VI и герцога Бургундского Филиппа Доброго посетил ряд восточно-европейских стран. В Константинополе посольство встретилось с императором Мануилом II и его сыном-соправителем Иоанном VIII, и ему был оказан добрый прием. Анализ показывает, что во времена Палеологов сам императорский прием, ставший менее пышным и более камерным, следовал сложившейся византийской традиции и отличался от приемов при других дворах более выраженным ритуальным характером. В программу пребывания посольства входили и сугубо «византийские» развлечения для иностранцев – экскурсия по Константинополю и показ христианских святынь. Кроме того, императорские дары заметно выделялись среди подарков других правителей. Официальная аудиенция, подчиненная строгому ритуалу, знакомство с городскими достопримечательностями и христианскими реликвиями, полученные от императора дары, обладавшие высокой материальной и духовной ценностью, произвели впечатление на бургундского посла. *Результаты.* Византийский дипломатический прием должен был убедить иностранных послов в политическом и культурном превосходстве греков, внушить им мысль о том, что империя, несмотря на трудное положение, сохраняет особое цивилизационное положение в христианском мире. В случае с де Ланнуа этого удалось достичь.

Ключевые слова: Позднее Средневековье, Жильбер де Ланнуа, Поздняя Византия, травелог, дипломатические приемы, дипломатические дары.

Цитирование. Куш Т. В. «По обычаю греческой земли»: дипломатический прием в Византии в описании Жильбера де Ланнуа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 6. – С. 357–367. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.23>

Введение. Бургундский рыцарь Жильбер де Ланнуа (Ланноа) (1386–1462), представитель знатного фламандского рода, один из первых кавалеров Ордена Золотого руна, в 1413–1414 гг. и 1421–1422 гг. совершил несколько поездок по Восточной Европе, побывал в Татарии, Византии, Египте, Сирии и Палестине [30, р. 6–26; 21]. Рассказы об этих поездках вошли в его мемуары «*Voyages et ambassades*» («Путешествия и посольства»), которые он на основе своих путевых записей составил на склоне лет. Его сообщения содержат много ценных сведений о землях, которые он посетил. В частности, де Ланнуа

одним из первых европейцев описал русские земли и использовал обозначение «великая Русь» (применительно к новгородским владениям) [5, с. 77; 7], что определяет закономерный интерес историков-русистов к его запискам. Впрочем, сообщение де Ланнуа о Татарии и Каффе также не обойдено вниманием исследователей [10, с. 164–165], как и его характеристика Византии, данная незадолго до ее гибели [13, р. 221–222]. В своей же статье я обращусь сюжету, которому, судя по объему информации в тексте, сам автор придавал особое значение, но который еще не стал в историографии предметом отдель-

ного исследования. Речь идет о приемах бургундского посла у разных правителей во время его второго путешествия, и прежде всего о приеме, устроенном ему при дворе византийского императора.

Методы. Сочинение Жильбера де Ланнуа является типичным травелогом, повествующим о пути, проделанном путешественником, событиях, свидетелем которых он стал, пережитом личном опыте странствования и впечатлении от того, что довелось увидеть в далеких странах. В мемуарах де Ланнуа «чужой мир» предстает в отрефлексированном виде: автор фиксировал то, что вызвало его неподдельный интерес, удивило, оставило след в его памяти. Анализ подобных текстов предполагает использование различных методов исследования – как исторических, так и литературоведческих. В настоящей работе использованы прежде всего методы имагологии и исторической антропологии, поскольку именно они позволяют выявить «устойчивое, эмоционально-окрашенное, обобщено-образное представление о “чужом”» [8, с. 31], сформировавшееся в сознании конкретного человека, носителя определенных «национальных» стереотипов, пережившего непосредственный опыт межкультурного общения. Оценить же практику встречи иностранных посольств в Византии, переживавшей период своего упадка, и выделить ее специфику можно, лишь сравнив ее с приемами других правителей, описанными де Ланнуа, а также соотнеся ее с византийской дипломатической традицией, хорошо известной по более ранним источникам¹.

Анализ. Будучи официальным представителем английского короля Генриха V (1413–1422), французского короля Карла (1380–1422) и в первую очередь герцога Бургундского Филиппа Доброго (1419–1467), Жильбер де Ланнуа в 1421 г. отправился вместе со свитой в свое второе путешествие на Восток, чтобы информировать христианских правителей о заключении мира между его доверителями, подписанного в Труа (1420), и уведомить их о подготовке нового крестового похода против турок. Де Ланнуа в своем сочинении называл эту миссию «посольством мира от двух королей (*ambassade de la paix des deux roys*)» [29, p. 53]² и отмечал, что оно касалось «упо-

мянутого мира и их совместного желания в продвижении унии между римской и греческой церквями» [29, p. 65]. Его путешествие, впрочем, имело и другую цель – Жильбер де Ланнуа хотел, выполнив дипломатические обязательства, отправиться в Святую землю, чтобы совершить паломничество к христианским святыням. Путь миссии на Восток лежал через северогерманские области, Пруссию, Польшу, Великое княжество Литовское, молдавские земли, владения генуэзцев. Посольство везде встречало теплый прием: местные правители оказывали дипломату почести, устраивали обеды, одаривали предметами роскоши, снабжали деньгами, подорожными письмами, сопровождением и транспортом.

Проделав длинный путь, полный испытаний и невзгод, делегация наконец достигла Константинополя. Де Ланнуа не сообщает о времени своего прибытия, но упоминание о военном противостоянии претендентов на османский престол Мустафы и Мурада [22, S. 379], в разгар которого посол оказался в византийской столице, расчет хронологии его маршрута и указание на то, что он отбыл из Каффы на венецианских галерах, возвращавшихся из Таны, позволяет говорить, что это произошло не ранее начала октября 1421 года³. Прибыв в византийскую столицу, де Ланнуа первым делом исполнил свой долг, явившись в императорский дворец, где его принял Мануил II Палеолог (1391–1425) со своим сыном Иоанном VIII (1425–1498), недавно провозглашенным соправителем⁴. Собщая об этой встрече, дипломат замечает: «И названные императоры оказали мне честь и добрый прием согласно обычаю греческой земли» (*Et me firent lesdis empereurs honneur et bonne chière, selon la coustume du païs des Grégeois*) [29, p. 65]⁵. Какими же «греческими обычаями» удивила византийская столица многоопытного дипломата? Отличался ли прием иностранцев, устраиваемый императором, от тех, которые посольства получили в других государствах? Что хотели продемонстрировать византийцы иностранцам, оказавшимся в самом сердце дряхлеющей империи?

Как уже сказано, де Ланнуа уделил особое внимание тому, как принимали гостей правители тех земель, через которые следовало

его посольство. До появления в Константинополе он встречался в Пруссии с великим магистром Тевтонского ордена Михаэлем Кюхмайстером (1414–1422), в Польше – с королем Ягайло (1386–1434), в Великом княжестве Литовском – с Витовтом (1392–1430), в Молдавском княжестве – с господарем Александром I (1400–1432); в Крыму его принимали генуэзские правители Каффы. Де Ланнуа описывает эти встречи почти шаблонной, дипломатически нейтральной фразой: каждый правитель «оказал ему большую честь и добрый прием». Он также сообщает некоторые подробности этих «добрых приемов». При первой официальной встрече посол сообщал местному правителю о цели своего визита и передавал подарки и письма от королей, чьи интересы представлял [29, р. 52]. Часто вслед за этим местный правитель приглашал посланника разделить с ним трапезу. Так, в Пруссии де Ланнуа присутствовал на нескольких обедах, устроенных в его честь, в Польше – на двух, в литовских владениях – на трех. На одном («особенном», как замечает де Ланнуа) обеде, на котором было подано «шестьдесят пар блюд», Ягайло даже пригласил дипломата за свой стол [29, р. 53]. Так же поступил и великий князь Литовский – де Ланнуа обедал с Витовтом за одним столом [29, р. 55]. Правители, устраивая обеды в честь послов и приглашая их за свой стол, таким образом оказывали им высшие почести и демонстрировали свое расположение и дружеское отношение. На протяжении всего времени пребывания миссию не оставляли без внимания и заботы. Посланникам на дом присылали яства. Так, генуэзцы Каффы отправили в гостиницу, где остановился де Ланнуа и его свита, 24 коробки конфитюра (*coffins de confiture*), бочонок мальвазии и хлеб [29, р. 64]. Забота о послах, в том числе об их повседневных нуждах, являлась частью «добраго приема».

Жильбер де Ланнуа каждый раз педантично перечисляет все те подарки, которые преподнесли ему и членам его посольства христианские правители и представители местной знати. Предметы, выступавшие в качестве дипломатических даров, служили своеобразным культурным маркером тех территорий, через которые следовало посольство,

и символическим выражением межгосударственных отношений. Так, в польских землях от короля Ягайло он получил «двух коней, двух иноходцев, две шелковые ткани, сто шкурок соболя, перчатки из Руси, три кубка из золоченого серебра с крышками, сто венгерских флоринов и сто флоринов в богемских грошах», а некоторые представители королевской свиты преподнесли ему «ястребов, перчатки, борзых, кинжалы и русские постели» [29, р. 54]. Литовский же князь Витовт вручил бургундскому посланнику в качестве дипломатических подношений четыре отреза шелковых тканей, три вышитые покрывала, две подбитые соболями шелковые шубы, четыре островерхие шапки и десять расшитых головных уборов, четыре «русские сумки», лук, татарские стрелы и колчаны, четыре коня, двадцать пять серебряных слитков и сто золотых дукатов [29, р. 56–57]. От денег де Ланнуа, кстати сказать, отказался, сославшись на то, что князь поддерживал в то время «врагов веры» – гуситов. Щедрые подарки получили и люди из его свиты.

При дворе Витовта де Ланнуа стал свидетелем приема посольств из Великого Новгорода и Пскова и описал «многие удивительные подарки», которые те преподнесли великому князю литовскому: «шкурки куниц, шелковые одежды, шубы, меховые шапки, шерстяные ткани, зубы кураней»⁶ [29, р. 56]. Всего он насчитал 60 видов подношений [29, р. 56]. Разнообразие даров и экзотичность некоторых из них впечатлили де Ланнуа – неслучайно он так подробно их перечислил. Дипломатические дары, которые видел и которые получил де Ланнуа в Восточной Европе, наглядно показывают региональные особенности материальной жизни и местные представления о роскоши и богатстве. Их же количество и ценность служили доказательством дружеского отношения к правителям тех государств, интересы которых представляла делегация, и символическим выражением статуса участников межгосударственных сношений.

Упоминает де Ланнуа и о развлечениях, которые для него организовывались. В Лимбурге местная армянская община устроила прием с танцами, на котором присутствовали дамы. Сообщает он и о своем участии в охоте – столь популярной среди знати форме вре-

мяпрепровождения. Так, польский король брал его с собой поохотиться на медведей [29, р. 53]. В дорогу дипломат получал коней, письма, проводников и переводчиков. Собственно, набор «почестей», оказанных иноземному посланнику местными правителями, представляется вполне стереотипным: официальный прием, трапезы, охота, обмен дарами, снаряжение для дальнейшего пути. Разница состояла только в деталях: в количестве обедов, формах развлечений, величине и ценности подарков. Чем же отличался прием посольства при византийском дворе от вышеописанных?

В Константинополе прибывшее посольство встретилось с императором и его сыном-соправителем. Стоит заметить, что Мануил II Палеолог был лично знаком с французским королем Карлом VI со времен своей знаменитой поездки по Западной Европе в 1399–1402 гг. [2, с. 65–78; 18, р. 399], а потому вряд ли воспринимал прием его эмиссаров как рядовой. Де Ланнуа не сообщает подробностей о том, как и где происходила церемония. Однако мы можем восстановить ее сценарий, опираясь на заметки других европейцев, побывавших в Византии в первой половине XV в. В частности, испанский путешественник Руи Гонсалес де Клавихо, посетивший византийскую столицу в конце октября 1403 г. по дороге ко двору Тимура, уделил этому вопросу большое внимание. По прибытии Клавихо вместе с сопровождавшими его лицами разместился, как и де Ланнуа, в Пере, откуда известил императора о своем приезде. Получив официальное приглашение прибыть ко двору, в назначенный день делегация переправилась через Золотой Рог, где ее ожидал эскорт из числа императорских сановников и подготовленные лошади, на которых кавалькада направилась во Влахернский дворец [4, с. 32] — именно там тогда находилась императорская резиденция [9, с. 50–54]. После обедни, на которой присутствовало множество людей, император в особом помещении принял иностранных послов. Испанский путешественник описал тронное возвышение, на котором восседал Мануил II Палеолог: оно было устлано коврами, «на один из них была брошена шкура леопарда, а на спинке лежала ковровая подушка золотого шитья» [4, с. 33]. Некоторые подробности императорского приема упоминает и

Перо Тафур, побывавший в Константинополе в 1438 году. Он также разместился со своей свитой в Пере, откуда затем и «отправился выразить почтение императору Константинополя» [11, с. 139]. Кастильскому идалго пришлось час провести в ожидании высочайшей аудиенции, поскольку явился он во дворец без предварительной договоренности. Описание Тафуром помещения, где проходил императорский прием («я прошел по его дворцу до одной залы, где я увидел его сидящим на возвышении, а под ногами у него была расстелена львиная шкура» [11, с. 140]), перекликается с сообщением Клавихо (тронное возвышение, шкуры у ног василевса). Обращает на себя внимание тот факт, что трон времен Палеологов выглядел довольно скромно в сравнении с убранством и техническим оснащением тронного зала времен Македонской династии, столь впечатлившие некогда Лиутпранда Кремонского [25, р. 147, VI, 5]. После того как Тафур рассказал о цели своего визита, император расспросил «о новостях в латинских землях, и правителях их, в особенности о короле Испании, моем господине, и о здоровье его, и о войне с маврами, и обо всем отвечал я ему, что знал, и с тем и ушел от него, и отправился домой» [11, с. 140]. Вероятно, подобным образом, с соблюдением всех формальностей (извещение двора о прибытии миссии, встреча послов императорскими сановниками, участие в церковной службе, официальная встреча и беседа с василевсом) было принято посольство де Ланнуа. Во время аудиенции бургундский посол вручил императорам привезенные подарки (какие, он не указал), а также письма, в которых сообщалось о заключенном между Карлом VI и Генрихом V мирном договоре и поднимался вопрос об унии церквей. В то же самое время при византийском дворе находилась делегация папского престола, поэтому в течение следующих нескольких дней де Ланнуа, как он вскользь отмечает, участвовал в обсуждении при дворе унитарского вопроса: «на протяжении нескольких дней при названных императорах я занимался этим (обсуждением унии. — Т. К.) с послами папы, которые были тогда там по этому поводу» [29, р. 65].

Если сравнить «классический» прием иностранных миссий, подробно изложенный в

«Трактате о церемониях» Константина VII Багрянородного [16, р. 570.11–582.14], с описаниями, приведенными Клавихо и фрагментарно представленными де Ланнуа и Тафуром, то следует отметить, что во времена Палеологов он претерпел, при сохранении общей сценарной канвы, определенные изменения, выразившиеся в меньшей помпезности встречи посольства, в отсутствии декоративного убранства по пути следования делегации и демонстративной роскоши, в более камерном характере аудиенции. Обедневшая империя не могла позволить себе устраивать пышные приемы только ради того, чтобы «пустить пыль в глаза» иностранцам. Однако все этапы (от встречи прибывших послов специальным эскортом до официального приема в тронном зале) были строго регламентированы и соответствовали выработанным столетиями правилам византийского дипломатического этикета. Хотя де Ланнуа и не говорит об этом прямо, вряд ли от его взора ускользнула подчеркнутая церемониальность императорской аудиенции, отличавшая эту встречу от официальных приемов при дворах других христианских правителей.

За официальными встречами следовали вполне традиционные развлечения: вместе с молодым императором де Ланнуа несколько раз выезжал на охоту в предместье Константинополя; там же «в полях» был устроен и обед. В этом смысле неформальный прием иностранцев в Византии не отличался от того, что получил де Ланнуа в других землях.

Но в программу пребывания посольства входило и чисто «византийское» развлечение для иноземцев – экскурсия по Константинополю. Де Ланнуа упоминает, что ему показали «чудеса и древности города и церквей» [29, р. 65]. Хотя он и не сообщает о местах, где побывал, но, вероятно, главные достопримечательности столицы он видел. Судя по сообщениям путешественников XIV–XV вв., иностранцам обычно показывали как минимум храм Св. Софии, площадь Августейон, Ипподром, церковь Богородицы Влахернской, монастырь Пантократора – именно они являлись зримым воплощением «культурного и сакрального величия Византии» [15, S. 147]. Увиденные воочию «чудеса и древности» Константинополя лучше слов убеждали гостей в ци-

визационном превосходстве греков, а осмотр города в сопровождении гидов обеспечивал своеобразный контроль над восприятием иностранцами имперской столицы.

Сильное впечатление на посла произвели реликвии, которые ему лично показал император Мануил II. Для европейцев Константинополь времени Палеологов все также оставался важным религиозным центром, обладавшим большим количеством христианских святынь. В сопровождении императора бургундский рыцарь побывал в неназванном месте, где хранились бесценные реликвии. Де Ланнуа упомянул лишь копьё Лонгина («железо святого копья») [29, р. 65], но, вероятно, видел он и другие святыни. Названное в травелоге «железо святого копья» позволяет предположить, что путешественник посетил монастырь св. Иоанна Продрома в Петре, в котором тогда находились реликвии Страстей Господних [26, р. 393]. Так, городские достопримечательности и уникальные реликвии, которые византийцы целенаправленно показывали послам, формировали у иностранцев образ великой империи, занимающей особое место в христианском мире.

Тому служили и дары императора⁷. Накануне отъезда посла Мануил II Палеолог вручил ему 32 локтя белого бархата и золотой реликварий. Эти подношения в количественном отношении выглядят, на первый взгляд, гораздо скромнее тех, которые де Ланнуа получил при других дворах. Скромными они кажутся и в сравнении с теми, которыми одаривали византийские императоры столетиями ранее [14, S. 17–18]. Так, в качестве императорского дара Оттон Великий (962–973) получил золотые, серебряные и медные вазы, стеклянные сосуды, изделия из слоновой кости, ковры, бальзамы, специи, экзотических животных [33, S. 129]. В палеологовское время, когда империя находилась в плачевном финансовом положении, ее правитель уже не мог позволить себе проявлять прежнюю щедрость и быть расточительным. Однако, несмотря на ограниченное количество полученных де Ланнуа от императора подарков, их ценность (и материальная, и символическая) все же была высока.

Текстиль всегда входил в традиционный набор императорских даров – он подчеркивал

лидерство империи в производстве изысканных тканей [15, S. 138–139; 28]. И хотя в XIV–XV вв. эта отрасль византийской экономики пришла в упадок, Константинополь продолжал оставаться крупным центром торговли дорогими тканями иностранного производства. Потому большой отрез дорогого бархата считался ценным подношением. Однако самым уникальным подарком, затмившим все другие, ранее полученные де Ланнуа, стал золотой реликварий. Он был выполнен в виде креста и украшен большой жемчужиной. В нем находились фрагменты святынь, помещенные туда по личному распоряжению императора: «от одежды нашего Господа (de la robe Nostre Seigneur Igrisorgia), от плащаницы нашего Господа, от рубахи Богоматери, от мощей святого Стефана и святого Феодора, на каждой части по-гречески написано название каждой реликвии» [29, р. 65–66]. Таким образом, в реликварии хранились особо почитаемые в христианском мире святыни, связанные с культом Христа и Богоматери. Подобные дары, недвусмысленно указывавшие на сакральность империи и императорской власти [14, S. 21], прежде вручались императором лишь в исключительных случаях как знак особого отличия [23, р. 287, 301]. Но в поздневизантийские времена ситуация изменилась. Мануил II Палеолог, будучи ограничен в материальных средствах, превратил реликвии – последнюю ценность, которой еще обладала империя – в инструмент дипломатии [27, р. 268; 32, р. 63]. Он стал широко использовать святыни в качестве дипломатических даров, как плату за союзничество или залог за финансовую и военную помощь [6, с. 165]. Так, преподнесенный де Ланнуа реликварий служит подтверждением произошедших изменений в византийской дипломатической практике.

Именно этот императорский подарок Жильбер де Ланнуа посчитал самым ценным из всех полученных за время поездки. Ее ценность для посла имела не столько материальное, сколько духовное выражение – как благочестивый христианин, он понимал, обладателем какого сокровища стал. Вернувшись на родину, он поместил реликварий «в серебряного ангела и передал в нашу капеллу Св. Петра в Лилле» [29, р. 66]. Наградой за столь щед-

рый дар церкви стало отпущение ему грехов на семь лет.

Результаты. В целом общая канва приема иностранца при византийском дворе Палеологов выглядит вполне стандартной – подобные почести оказывались на всем пути следования посольства. Однако византийская дипломатическая практика, формировавшаяся на протяжении многих столетий и сохранявшая свою актуальность даже в период угасания империи, имела ряд отличительных особенностей, не ускользнувших от взора посла и заставивших его говорить об «обычае греческой земли» как отличном от других. Оказавшись в столице империи, Жильбер де Ланнуа столкнулся с иной традицией, явленной в отдельных моментах приема иностранной делегации. Официальная аудиенция, подчиненная строго выверенному церемониальному ритуалу, экскурсия по городским достопримечательностям под бдительным присмотром гидов, уникальные реликвии, доверительно показанные самим императором, дары, символическая ценность которых не шла в сравнение с другими подарками, – все это не могло не произвести впечатления на бургундца. Византийский дипломатический прием был призван убедить иностранных послов в сакральном и культурном превосходстве греков, внушить им мысль о том, что империя, несмотря на трудные времена, сохраняет особое цивилизационное положение в христианском мире. Кажется, в случае с де Ланнуа, эта цель была достигнута. Византия, несмотря на то, что за церемониальным фасадом скрывалось ее бедственное положение, продолжала создавать у иностранцев представление о своем культурном и политическом величии, культивируя в европейском сознании «золотой миф» о себе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Наиболее полное представление о сложившейся в империи церемонии приема иностранных миссий дают источники времени правления Македонской династии, когда империя переживала период расцвета. Этот вопрос хорошо освещен в научной литературе, см.: [19; 20; 24; 34, S. 197–201].

² Сочинение Жильбера де Ланнуа цитируется по изданию, выполненному Ш. Потвеном [29].

Я также обращалась к русскому переводу Д.Н. Черкасова [12], но вносила в него коррективы.

³ См. также расчеты А.Л. Пономарева, подтверждающие это предположение: [10, с. 164].

⁴ Бургундский рыцарь называет Иоанна VIII «молодым императором».

⁵ Ф.К. Брун переводит несколько иначе: «казанные императоры оказали мне почести и угощали, по обычаю Греческой страны» [1, с. 444].

⁶ Вероятно, де Ланнуа так назвал бивни моржей, см.: [12, с. 230, сн. 265].

⁷ О роли даров в византийской дипломатической практике см.: [3; 14; 17; 31; 33].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брун, Ф. К. Путешествия и посольства господина Гильберта де Ланнуа, кавалера Золотого Руна, владельца Санга, Виллерваля, Троншиена, Бомона, Вагени; в 1399–1550 годах / Ф. К. Брун // Записки Одесского общества истории и древностей. – 1853. – Т. 3. – С. 433–465.
2. Васильев, А. А. Путешествие византийского императора Мануила II Палеолога по Западной Европе / А. А. Васильев // Журнал Министерства народного просвещения. – 1912. – Ч. XXXIX, май. – С. 41–78.
3. Виноградов, А. Ю. Византийские подарки кавказским правителям: дань и подданство / А. Ю. Виноградов // На языке даров: Правила символической коммуникации в Европе. 1000–1700 / отв. ред. Г. Альтхоф, М. А. Бойцов. – М.: Полит. энцикл., 2016. – С. 40–54.
4. Клавихо, Р. Г. де. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406) / Р. Г. де Клавихо; пер. со староисп., предисл. и коммент. И. М. Мироковой. – М.: Наука, 1990. – 211 с.
5. Кудрявцев, О. Ф. Великая Русь рыцаря де Ланноа. Первое Западное описание Руси / О. Ф. Кудрявцев // Родина. – 2003. – № 12. – С. 76–79.
6. Куш, Т. В. Туника Христа и драгоценности короны: реликвии в византийской дипломатии XIV века / Т. В. Куш // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 6. – С. 161–170. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.14>
7. Мунд, С. Описание Новгорода и Пскова в мемуарах Voyages et Ambassades рыцаря Гильберта де Ланнуа / С. Мунд // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2002. – № 1 (7). – С. 47–50.
8. Папилова, Е. В. Имагология как гуманитарная дисциплина / Е. В. Папилова // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. – 2011. – № 4. – С. 31–40.
9. Поляковская, М. А. Византийский дворцовый церемониал XIV в.: «театр власти» / М. А. Поляковская. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. – 334 с.
10. Пономарев, А. Л. Первые ханы Крыма: хронология смуты 1420-х годов в счетах генуэзского казначейства Каффы / А. Л. Пономарев // Золотоордынское обозрение. – 2013. – Т. 2. – С. 158–190.
11. Тафур, П. Странствия и путешествия / П. Тафур; пер., предисл. и коммент. Л. К. Масиеля Санчеса. – М.: Индрик, 2006. – 296 с.
12. Черкасов, Д. Н. Жильбер де Ланнуа и его «Voyages et ambassades» / Д. Н. Черкасов // Studia Historica Europae Orientalis. – 2015. – № 8. – С. 195–241.
13. Angold, M. The Decline of Byzantium Seen Through the Eyes of Western Travellers / M. Angold // Travel in the Byzantine World: Papers from the Thirty-Fourth Spring Symposium of Byzantine Studies, Birmingham, April 2000 / ed. R. Macrides. – Ashgate: Variorum, 2002. – P. 213–233.
14. Bauer, F. A. Byzantinische Geschenkdiplomatie / F. A. Bauer // Byzanz – das Römerreich im Mittelalter. T. 3: Peripherie und Nachbarschaft. – Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2010. – S. 1–55.
15. Bauer, F. A. Potentieller Besitz. Geschenke im Rahmen des byzantinischen Kaiserzeremoniells / F. A. Bauer // Visualisierungen von Herrschaft / hrsg. von F. A. Bauer. – Istanbul: Ege Yayınları, 2006. – S. 135–169. – (Byzas; Vol. 5).
16. Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis aulae byzantinae. T. 1 / ed. J. J. Reiske. – Bonn: Imp. E. Weber, 1829. – 807 p.
17. Culter, A. Gifts and Gifts Exchange as Aspects of the Byzantine, Arab, and Related Economies / A. Culter // *Dumbarton Oaks Papers*. – 2001. – Vol. 55. – P. 247–278.
18. Dendrinis, Ch. Manuel II Palaeologus in Paris (1400–1402): Theology, Diplomacy and Politics / Ch. Dendrinis // *Greeks, Latins, and Intellectual History, 1204–1500* / ed. M. Hinterberger, Ch. Schabel. – Leuven; Paris; Walpole: Peeters, 2011. – P. 397–422.
19. Drocourt, N. Ambassadeurs étrangers à Constantinople: moyens de contacts, d'échanges et de connaissances partielles du monde byzantin (VIIIe–XIIe siècles) / N. Drocourt // *Espaces d'échanges en Méditerranée. Antiquité et Moyen Âge* / sous la dir. de F. Clément. J. V. Tolan, J. Wilgaux. – Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2006. – P. 107–134.
20. Featherstone, J. M. Δι' Ἐνδειξίῃ: Display in Court Ceremonial (De Cerimoniis II, 15) / J. M. Featherstone // *The Material and the Ideal: Essays in Mediaeval Art and Archaeology in Honour of Jean-Michel Spieser* / ed. A. Cutler, A. Papaconstantinou. – Leiden: Brill, 2008. – P. 75–112.

21. Halecki, O. Gilbert de Lannoy and His Discovery of East Central Europe / O. Halecki // *Bulletin of the Polish Institute of Arts & Sciences in America*. – 1944. – Vol. 2, № 2. – P. 314–331.

22. Jorga, N. *Geschichte des Osmanischen Reiches*. Bd. 1: Bis 1451 / N. Jorga. – Gotha, F.A. Perthes, 1908. – 486 S.

23. Klein, H. A. Eastern Objects and Western Desires: Relics and Reliquaries between Byzantium and the West / H. A. Klein // *Dumbarton Oaks Papers*. – 2004. – Vol. 58. – P. 283–314.

24. Kresten, O. “Staatsempfänge” im Kaiserpalast von Konstantinopel um die Mitte des 10. Jahrhunderts : Beobachtungen zu Kapitel II 15 des sogenannten “Zeremonienbuchs” / O. Kresten. – Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2000. – 61 S.

25. *Liudprandi Cremonensis opera omnia* / éd. P. Chiesa. – Turnhout : Brepols, 1998. – 234 p.

26. Majeska, G. Russian Pilgrims and the Relics of Constantinople / G. Majeska // *Восточнохристианские реликвии* / ред.-сост. А. М. Лидов. – М. : Прогресс-Традиция, 2003. – P. 387–397.

27. Mergiali-Sahas, S. An Ultimate Wealth for Inauspicious Times: Holy Relics in Rescue of Manuel II Palaeologus' Reign / S. Mergiali-Sahas // *Byzantium*. – 2006. – Vol. 86. – P. 264–275.

28. Muthesius, A. Essential Processes, Looms, and Technical Aspects of Production of Silk Textiles / A. Muthesius // *The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century* / ed. A. Laiou. – Washington : Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2002. – P. 147–168.

29. *Oeuvres de Ghillebert de Lannoy, voyageur, diplomate et moraliste* / rec. et publ. par Ch. Potvin. – Louvain : Impr. de P. et J. Lefever, 1878. – 551 p.

30. Quarré-Reybourbon, L. La vie, les voyages et aventures de Gilbert de Lannoy, chevalier lillois, au XVe siècle / L. Quarré-Reybourbon. – Lille : Quarré, libraire-éditeur, 1890. – 34 p.

31. Schreiner, P. Diplomatische Geschenke zwischen Byzanz und dem Westen, ca. 800–1200: Eine Analyse der Texte mit Quellenanhang / P. Schreiner // *Dumbarton Oaks Papers*. – 2004. – Vol. 58. – S. 251–281.

32. Shepard, J. Imperial Constantinople : Relics, Palaiologan Emperors, and the Resilience of the Exemplary Centre / J. Shepard // *Byzantines, Latins, and Turks in the Eastern Mediterranean World after 1150* / ed. J. Harris, C. Holmes, E. Russell. – Oxford : Oxford University Press, 2012. – P. 61–92.

33. Tinnfeld, F. Mira varietas. Exquisite Geschenke byzantinischer Gesandtschaften in ihrem politischen Kontext / F. Tinnfeld // *Mitteilungen zur Spätantiken Archäologie und Byzantinischen Kunstgeschichte*. – 2005. – T. 4. – S. 121–137.

34. Treitinger, O. Die Oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell / O. Treitinger. – Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1956. – 246 S.

REFERENCES

1. Brun F.K. Puteshestviya i posolstva gospodina Gillbera de Lannua, kavlera Zolotogo Runa, vladeltsa Santa, Villervalya, Tronsh³ena, Bomona, Vageni; v 1399–1550 godakh [Travels and Embassies of Monsieur Gilbert de Lannoy, Knight of the Golden Fleece, Owner of Santa, Villerval, Tronchien, Beaumont, Wagueny; in 1399–1550]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities], 1853, vol. 3, pp. 433–465.

2. Vasilyev A.A. Puteshestvie vizantiyskogo imperatora Manuila II Paleologa po Zapadnoy Evrope [Journey of the Byzantine Emperor Manuel II Palaiologos in Western Europe]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [People's Education Ministry Journal], 1912, pt. 39, May, pp. 41–78.

3. Vinogradov A.Yu. Vizantiyskie podarki kavkazskim pravatelyam: dan i poddanstvo [Byzantine Gifts to the Caucasian Rulers: Tribute and Citizenship]. Altkhof G, Boytsov M.A., eds. *Nazyazyke darov: Pravila simvolicheskoy kommunikatsii v Evrope. 1000–1700* [In the Language of Gifts: Rules of Symbolic Communication in Europe. 1000–1700]. Moscow, Polit. entsikl. Publ., 2016, pp. 40–54.

4. Klavikho R.G. de. *Dnevnik puteshestviya v Samarkand ko dvoru Timura (1403–1406)* [Diary of a Journey to Samarkand to the Court of Timur (1403–1406)]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 211 p.

5. Kudryavtsev O.F. Velikaya Rus rytsarya de Lannoa. Pervoe Zapadnoe opisanie Rusi [Great Russia of the Knight de Lannoa. The First Western Description of Russia]. *Rodina* [Motherland], 2003, no. 12, pp. 76–79.

6. Kushch T.V. Tunika Khrista i dragotsennosti korony: Relikvii v vizantiyskoy diplomatii XIV veka [The Tunic of Christ and the Crown Jewels: Relics in the Byzantine Diplomacy of the Fourteenth Century]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 6, pp. 161–170. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.14>

7. Mund S. Opisanie Novgoroda i Pskova v memuarakh Voyages et Ambassades rytsarya Gilbera de Lannua [Description of Novgorod and Pskov in the Voyages et Ambassades Memoirs of Knight Gilbert de Lannoy]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*

[Old Russia. The Questions of Middle Ages], 2002, no. 1 (7), pp. 47-50.

8. Papilova E.V. Imagologiya kak gumanitarnaya distsiplina [Imagology as a Humanitarian Discipline]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova. Filologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow State University for the Humanities after M.A. Sholokhov. Philological Sciences], 2011, no. 4, pp. 31-40.

9. Polyakovskaya M.A. *Vizantiyskiy dvortsovyy tseremonial XIV v.: «teatr vlasti»* [Byzantine Palace Ceremonial of the Fourteenth Century: "The Theater of Power"]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2011. 334 p.

10. Ponomarev A.L. Pervye khany Kryma: khronologiya smuty 1420-kh godov v schetakh genuezskogo kaznacheystva Kaffy [First Khans of Crimea: Chronology of the Troubles of the 1420s in the Accounts of the Genoese Treasury of Kaffa]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review], 2013, vol. 2, pp. 158-190.

11. Tafur P. *Stranstviya i puteshestviya* [Wanderings and Journeys]. Moscow, Indrik Publ., 2006. 296 p.

12. Cherkasov D.N. Zhilber de Lannua i ego «Voyages et ambassades» [Gilbert de Lannoy and His "Voyages et ambassades"]. *Studia Historica Europae Orientalis*, 2015, no. 8, pp. 195-241.

13. Angold M. The Decline of Byzantium Seen Through the Eyes of Western Travellers. Macrides R., ed. *Travel in the Byzantine World: Papers from the Thirty-Fourth Spring Symposium of Byzantine Studies, Birmingham, April 2000*. Ashgate, Variorum, 2002, pp. 213-233.

14. Bauer F.A. Byzantinische Geschenkdiplo-matie. *Byzanz – das Römerreich im Mittelalter. T. 3. Peripherie und Nachbarschaft*. Mainz, Verlag des Römisch-Germanischen Zentrallmuseums, 2010, S. 1-55.

15. Bauer F.A. Potentieller Besitz. Geschenke im Rahmen des byzantinischen Kaiserzeremoniells. Bauer F.A., ed. *Visualisierungen von Herrschaft*. Istanbul, Ege Yayınları, 2006, S. 135-169. (Byzas; vol. 5).

16. Reiske J.J., ed. *Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis aulae byzantinae. Vol. 1*. Bonn, Imp. E. Weber, 1829. 807 p.

17. Culter A. Gifts and Gifts Exchange as Aspects of the Byzantine, Arab, and Related Economies. *Dumbarton Oaks Papers*, 2001, vol. 55, pp. 247-278.

18. Dendrinou Ch. Manuel II Palaeologus in Paris (1400–1402): Theology, Diplomacy and Politics. Hinterberger M., Schabel Ch., eds. *Greeks, Latins, and Intellectual History, 1204–1500*. Leuven; Paris; Walpole, Peeters, 2011, pp. 397-422.

19. Drocourt N. Ambassadeurs étrangers à Constantinople: moyens de contacts, d'échanges et

de connaissances partielles du monde byzantin (VIIIe–XIIe siècles). Clément F., Tolan J.V., Wilgaux J., eds. *Espaces d'échanges en Méditerranée. Antiquité et Moyen Âge*. Rennes, Presses universitaires de Rennes, 2006, pp. 107-134.

20. Featherstone J.M. Di' endeixin: Display in Court Ceremonial (De Cerimoniis II,15). Cutler A., Papaconstantinou A., eds. *The Material and the Ideal: Essays in Mediaeval Art and Archaeology in Honour of Jean-Michel Spieser*. Leiden, Brill, 2008, pp. 75-112.

21. Halecki O. Gilbert de Lannoy and His Discovery of East Central Europe. *Bulletin of the Polish Institute of Arts & Sciences in America*, 1944, vol. 2, no. 2, pp. 314-331.

22. Jorga N. *Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. 1: Bis 1451*. Gotha, F.A. Perthes, 1908. 486 S.

23. Klein H.A. Eastern Objects and Western Desires: Relics and Reliquaries Between Byzantium and the West. *Dumbarton Oaks Papers*, 2004, vol. 58, pp. 283-314.

24. Kresten O. "Staatsempfänge" im Kaiserpalast von Konstantinopel um die Mitte des 10. Jahrhunderts. *Beobachtungen zu Kapitel II 15 des sogenannten "Zeremonienbuchs"*. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2000. 61 S.

25. Chiesa P., ed. *Liudprandi Cremonensis opera omnia*. Turnhout, Brepols, 1998. 234 p.

26. Majeska G. Russian Pilgrims and the Relics of Constantinople. Lidov A.M., ed. *Vostochnokhristianskie relikvii* [Eastern Christian Relics]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2003, pp. 387-397.

27. Mergiali-Sahas S. An Ultimate Wealth for Inauspicious Times: Holy Relics in Rescue of Manuel II Palaeologus' Reign. *Byzantion*, 2006, vol. 86, pp. 264-275.

28. Muthesius A. Essential Processes, Looms, and Technical Aspects of Production of Silk Textiles. Laiou A. *The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century*. Washington, Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2002, pp. 147-168.

29. Potvin Ch., ed. *Oeuvres de Ghillebert de Lannoy, voyageur, diplomate et moraliste*. Louvain, Impr. de P. et J. Lefever, 1878. 551 p.

30. Quarré-Reybourbon L. *La vie, les voyages et aventures de Gilbert de Lannoy, chevalier lillois, au XIVe siècle*. Lille, Quarré, libraire-éditeur, 1890. 34 p.

31. Schreiner P. Diplomatische Geschenke zwischen Byzanz und dem Westen, ca. 800–1200: Eine Analyse der Texte mit Quellenanhang. *Dumbarton Oaks Papers*, 2004, vol. 58, S. 251-281.

32. Shepard J. Imperial Constantinople. Relics, Palaiologan Emperors, and the Resilience of the Exemplary Centre. Harris J., Holmes C., Russell E.,

eds. *Byzantines, Latins, and Turks in the Eastern Mediterranean World after 1150*. Oxford, Oxford University Press, 2012, pp. 61-92.

33. Tinnefeld F. *Mira varietas. Exquisite Geschenke byzantinischer Gesandtschaften in ihrem politischen Kontext. Mitteilungen zur Mitteilungen*

zur Spätantiken Archäologie und Byzantinischen Kunstgeschichte, 2005, vol. 4, S. 121-137.

34. Treitinger O. *Die Oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell*. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1956. 246 p.

Information About the Author

Tatiana V. Kushch, Doctor of Sciences (History), Chief Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninsky, 32a, 119334 Moscow, Russian Federation, tkushch@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9097-5466>

Информация об авторе

Татьяна Викторовна Кушч, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, просп. Ленинский, 32а, 119334 г. Москва, Российская Федерация, tkushch@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9097-5466>